

IV. «K***» («О, ПОЛНО ИЗВИНЯТЬ РАЗВРАТ»)

Стихотворение Лермонтова под заглавием «K***» («О, полно извинять разврат») постоянно привлекает внимание исследователей как одно из замечательных произведений молодого поэта. Энергией стиха и остротой постановки темы оно близко к зрелому периоду творчества Лермонтова.

Идейное значение и революционная направленность послания делают вопрос о раскрытии имени, зашифрованного под тремя звездочками, более важным, чем обычный комментарий. К сожалению, нет никаких косвенных данных, помогающих решить эту задачу. Нам известна только

КАВКАЗ

Акварель Н. Г. Чернепова, 1830-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

окончательная редакция стихотворения, сохранившаяся в копии 20-й лермонтовской тетради (ИРЛИ АН СССР) ¹.

В 1909 г. А. М. Горький в лекциях по истории русской литературы цитировал это стихотворение как обращенное к Пушкину. Точка зрения Горького стала известной лишь после опубликования его лекций в 1937 году ².

Предположение, что под тремя звездочками скрыто имя Пушкина, аргументировал впервые Г. В. Маслов. Его доклад «Послание Лермонтова к Пушкину 1830 г.», прочитанный в пушкинском семинарии С. А. Венгерова (1915), был напечатан в 1926 г. ³

Гипотезу Г. В. Маслова поддержал Луначарский ⁴, и одно время она была общепринята.

Однако в литературе последующих лет большинство исследователей решительно возражало против отнесения стихотворения к Пушкину, и широкое признание получило предположение С. В. Обручева, что стихотворение обращено к Полежаеву ⁵.

Задача настоящей статьи развернуть иную, по сравнению с Г. В. Масловым, систему доказательств, подкрепляющую, однако, его точку зрения на то, что адресатом стихотворения является Пушкин⁶.

Для этого необходимо прежде всего отвести гипотезу о Полежаеве.

* * *

Согласно этой гипотезе послание Лермонтова является откликом на поэмы Полежаева «Эрпели» и «Чир-Юрт», прославляющие победы русского оружия на Кавказе. При этом толковании слова — «О, полно извинять разврат» — обозначают призыв прекратить воспевание царя и его генералов, ведущих войну против горцев. Между тем, познакомиться с поэмами Полежаева Лермонтов мог только в 1832 г., в особенности с «Чир-Юртом», написанным в конце 1831 — начале 1832 г. и посланным в Петербург 25 мая 1832 г.⁷ Таким образом, главный довод сторонников рассматриваемого предположения отвергается прежде всего временем написания стихотворения. С. В. Обручев перенес датировку лермонтовского стихотворения на 1832 г., но сделал это без учета построения 20-й тетради, в которой находится послание (под № 36). Попытка датировать стихотворение на основе двух соседних, без обращения к анализу состава всей тетради, не выдерживает критики.

20-я тетрадь представляет собою сборник юношеских стихотворений Лермонтова, написанных рукой переписчика с поправками самого поэта. Тетради с юношескими стихотворениями Лермонтов расположил в определенном порядке и над произведениями, подлежащими включению в 20-ю тетрадь, поставил соответствующий номер (№№ 1—105).

Определение системы, в которой расположены стихотворения 20-й тетради, затруднено отсутствием части юношеских тетрадей поэта с оригиналами стихотворений. Тем не менее можно смело утверждать, что Лермонтов расположил тетради по годам, начиная с 1830 г. Внутри же каждого года им не всегда точно соблюдалась хронологическая последовательность, так как стихотворения переписывались из тетрадей неоднородных по своему составу⁸. Однако, начиная с № 74, стихотворения расположены в строго хронологическом порядке, №№ 74—90 (переписанные из 11-й тетради) относятся ко второй половине 1831 г.; №№ 91—105 — к концу 1831 г. — началу 1832 г.; №№ 106—118 являются черновыми автографами 1832 г.

Первая часть тетради (№№ 1—73) разбивается на две группы (№№ 1—27 и №№ 28—73). №№ 1—27 переписаны из дошедших до нас тетрадей. Все эти стихотворения точно датируются — не позднее августа 1830 г. Таким образом, группа стихотворений №№ 28—73, переписанная из не сохранившихся тетрадей, находится в сборнике между стихотворениями первой половины 1830 г. и второй половины 1831 г.

Детальное рассмотрение стихотворений этой группы убеждает, что они расположены в хронологическом порядке, то есть начинаются второй половиной 1830 г. и кончаются первой половиной 1831 г. Кроме того, представляется возможным определить границу между стихотворениями 1830 и 1831 гг. Она пролегает между №№ 47—49. Остановимся подробнее на стихотворениях, лежащих по обе стороны этой границы. Подгруппа №№ 28—46 (всего девятнадцать стихотворений) содержит пять стихотворений, датирующихся точно 1830 г., причем стихотворения, поддающиеся более точной датировке, относятся ко второй половине года (№ 28 «Нищий» — 16 августа 1830 г.; № 30 «Farewell» — 1830 г., так как находится в 6-й тетради, хотя текст его переписан с другого автографа; № 41 «Звуки» — 1830 г.; № 45 «Могила бойца» — октябрь 1830 г.; № 46 «Песнь барда» — 1830 г.). Среди стихотворений №№ 28—46 нет ни одного с датой 1831 г.,

так же как в следующей подгруппе стихотворений, №№ 47—73, нет ни одного стихотворения, которое имело бы дату или могло быть предположительно датировано 1830 г., а есть два стихотворения, датированные первой половиной 1831 г. (№ 50—«1831-го, июня 11 дня» и № 55—«1831-го, 1 января»). Стихотворение № 50 открывает 1831 г., потому что это равное по объему поэме произведение находилось в отдельной тетради и представляло собой как бы программу всей поэтической деятельности поэта этого периода.

Предположение о том, что стихотворения №№ 47—73 относятся к первой половине 1831 г., подкрепляется датами №№ 50 и 55, а также тем, что среди них нет ни одного стихотворения, которое можно было бы датировать 1830 г. Напротив, ряд стихотворений этой подгруппы датируется предположительно 1831 г. Тема трагической любви в стихотворениях № 53 «К ***» («Не ты, но судьба виновата была»), № 54 «Ночь» («В чугуи печальный сторож бьет»), № 57 «К себе», № 58 «Душа моя должна прожить в земной неволе», № 70 «К ***» («Не медли в дальней стороне») — примыкают к лирическому циклу 1831 г., связанному с именем Н. Ф. Ивановой.

К 1831 г. следует отнести и развитие темы борьбы, ставшей с этих пор основной для юношеской лирики Лермонтова. Эта тема сформулирована в строфе стихотворения «1831-го, июня 11 дня» («Под ношей бытия не устает...») и отражена в стихотворениях № 63 «Унылый колокола звон» и № 72 «Стансы» («Не могу на родине томиться, прочь отсель, туда, в кровавый бой»).

Итак, стихотворения 20-й тетради №№ 28—73 безусловно относятся ко второй половине 1830 г. и первой половине 1831 г., причем они могут быть разбиты на две подгруппы (№№ 28—46 и №№ 47—73). Граница между подгруппами проведена условно; она пролегает между №№ 47—49.

Стихотворение № 36 «К ***» («О, полно извинять разврат») датируется второй половиной 1830 г. и, во всяком случае, не может быть отнесено к 1832 г. Оно написано до того, как Лермонтов мог прочесть «Чир-Юрт» и обвинить Полежаева в «отступничестве».

Основной довод сторонников предположения, что послание адресовано Полежаеву, не выдерживает критики и по своему содержанию. Если в центре стихотворения стоит вопрос о Кавказе, то непонятно, почему в таком политически остром стихотворении, не предназначенном для печати, Лермонтов маскирует кавказскую тему.

Не совпадая до конца с Полежаевым в оценке кавказских войн, Лермонтов, однако, в 1832 г. писал:

Какие степи, горы и моря
Оружью славян сопротивлялись?
(«Измаил-бей». — III, 235) ⁹.

Переходя к истолкованию отдельных строк стихотворения, согласимся, что Полежаева можно было назвать изгнанником из родной страны. Но для обоснования гипотезы одного этого утверждения, конечно, мало.

Следовательно, предположение, что в заглавии стихотворения скрыто имя Полежаева, не имеет за собой достаточных оснований.

* * *

Обратимся к гипотезе Г. В. Маслова. Последний рассматривает послание как ответ Лермонтова на пушкинское стихотворение «Друзьям» 1828 г. Запоздалую реакцию он объясняет тем, что стихотворение Пушкина распространялось в списках и не сразу могло дойти до Лермонтова.

Между названными стихотворениями Лермонтова и Пушкина Маслов видит прямую связь, которую пытается доказать словесными и смысловыми параллелями.

«Лермонтов, отвечая Пушкину, придерживался плана пушкинского стихотворения. Стихи связаны и по форме. Пушкинское „Друзьям“ написано стансами четырехстопным ямбом, лермонтовское — тем же размером, и каждые шесть строк представляют замкнутое целое. Необходимо принять во внимание также и связь стихотворения „К ***“ со стихотворением „На смерть Пушкина“ 1837 г., — пишет Г. В. Маслов. Строки «Ты пел о вольности», по мнению исследователя, могут относиться только к Пушкину, как намек на знаменитую оду «Вольность».

Гипотеза Маслова была подвергнута справедливой критике¹⁰. Доказывали, что главный довод Маслова — параллелизм стихов Пушкина и Лермонтова — не состоятелен, поскольку он вовсе не очевиден. Параллелизм двух стихотворений Лермонтова («К ***» и «Смерть поэта») сам по себе не может быть свидетельством единства объекта. Употребление слова «вольность» у Лермонтова отнюдь не связано с одой Пушкина. Кроме того, ода «Вольность» написана в 1817 г., а в последней строфе «К ***» явный намек на то, что поэт, к которому обращается Лермонтов, пел о вольности во время разгрома декабристов («Тиран гремел, грозили казни»).

Критикуя гипотезу Маслова, указывают также на то, что слова: «изгнанием из страны родной/Хвалясь повсюду как свободой» не могут быть отнесены к Пушкину, так как, во-первых, изгнание его в 1830 г. уже кончилось, и, во-вторых, Пушкин не был изгнан из страны родной. Считают также, что заключительные строки не подходят к Пушкину, так как вряд ли Лермонтов мог в 1830 г. сказать, что он о д и н понял поэзию Пушкина. Ниже будет показано, что два последних довода несостоятельны.

Трех первых соображений вполне достаточно, чтобы подорвать систему доказательств Маслова. Основной недостаток его аргументации — злоупотребление сравнительным методом. Почти в каждом звене своих доказательств он обращается к сопоставлениям и буквальным параллелям.

* * *

Можно предположить, что поводом для послания Лермонтова явилось неправильное восприятие им общественной и литературной позиции Пушкина 1827—1830 гг.

Большинство современников великого поэта в конце двадцатых — начале тридцатых годов не могло разгадать исторического смысла его общественной и литературной борьбы, особенно обострившейся в 1830 г., когда против «Литературной газеты» выступили и Н. Полевой и Ф. Булгарин.

Критика Пушкина со стороны правого лагеря носила клеветнический характер, зачастую играя роль прямых политических доносов. Нет необходимости в данной связи останавливаться на полемике между «Литературной газетой» и «Северной пчелой». Булгарин, как известно, пользовался любым поводом для нападения на поэта. «Северная пчела» критиковала седьмую главу «Евгения Онегина» за «водянистость и бессодержательность»¹¹. Очевидно, к 1830 же году относится исходящая из правых кругов эпиграмма на Пушкина, вызванная его посланием «К вельможе»¹².

Полевой находил в «Евгении Онегине» следы равнодушия его автора к интересам русского общества. Одновременно со статьей о седьмой главе романа, где выдвигался этот упрек, в «Московском телеграфе» появилась пародия на эпиграмму Пушкина «Собрание насекомых»¹³, а вскоре — сцена «Утро в кабинете знатного барина», содержащая выпады против

ВОЕННЫЙ ОТРЯД В СТЕПИ У КИЗЛЯРА
Литография Бэйю с рисунка Г. Г. Гагарина, 1840-е гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

поэта¹⁴. По словам Ксенофонта Полевого, его брат обвинял Пушкина в желании «втереться в большой свет»¹⁵. Два года спустя в пародии на «Чернь» Полевой подчеркнул оба своих обвинения против великого поэта: равнодушие к общественным интересам и низкопоклонство перед знатью¹⁶.

По нашему мнению, выступление Лермонтова относится к осени 1830 г. Его послание резко противостоит многочисленным нападкам на Пушкина того времени. Это выступление не врага, а ученика и последователя. Пушкин для Лермонтова прежде всего великий и любимый поэт. Он призывает Пушкина продолжать борьбу, быть верным свободолюбивым традициям, не вступать на путь попыток мирного воздействия на Николая I, на путь отказа от бичевания знати, окружавшей трон.

Характеристика высшей придворной среды, «жадной толпой стоящей у трона», как «наперсников разврата» дана Лермонтовым и в стихотворении «Смерть поэта». Поэт-гражданин должен разоблачать «разврат». В первой строфе Лермонтов предостерегает Пушкина от уклонения с этого пути, напоминая, что это будет изменой самому себе:

Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.

После появления стихотворений Пушкина «Стансы», «Друзьям», «К вельможе» и выхода в свет «Полтавы» в марте 1829 г., у некоторых современников Пушкина создалось впечатление, что поэт вступил на путь официальной поэзии. Тема предостережения Пушкина от «большого света»

(«Златой венец — не твой венец») нашла развитие и в «Смерти поэта». Причина гибели рассматривается здесь как столкновение со светом поэта-гражданина; вместе с тем ему бросается упрек:

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный <...>
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным (II, 16).

Во второй и третьей строфах послания Лермонтов обращается к Пушкину с призывом:

Изгнанием из страны родной
Хвались повсюду как свободой.
Высокой мыслью и душой
Ты равно одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни (I, 274).

Призыв «хвалиться изгнанием» — единственное место в стихотворении Лермонтова, связанное с пушкинским посланием «Друзьям». Лермонтов считает недопустимым, чтобы поэт-гражданин благодарил царя за освобождение из изгнания. Поэзия Пушкина была для Лермонтова «изгнанной лиры пеньем».

Тему изгнания Лермонтов развивает в ряде своих юношеских стихотворений, иногда цитируя Пушкина. В словах «хвались изгнанием» речь идет не об изгнании поэта в настоящем, а об отношении его к своему изгнанию в прошлом.

Ссылка Пушкина на юг в 1820—1823 гг., безусловно, могла быть названа Лермонтовым изгнанием из страны родной. В его словаре «страна» постоянно употреблялась в смысле — край, сторона¹⁷.

В строке «Ты пел о вольности» Лермонтов мог подразумевать отрывок из элегии «Андрей Шенье», исключенный цензурой из «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г. Этот отрывок распространялся в списках и воспринимался современниками как смелый отклик на события 14 декабря, как песнь о свободе:

Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

И далее следует исключенный отрывок:

От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет — не виновна ты,

В порывах буйной слепоты,
 В презренном бешенстве народа
 Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
 Завешен пеленой кровавой:
 Но ты придешь опять со мщением и славой,—
 И вновь твои враги падут;
 Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
 Всё ищет вновь упиться им;
 Как будто Вакхом разъяренный,
 Он бродит, жаждою томим;
 Так — он найдет тебя. Под сению равенства
 В объятиях твоих он сладко отдохнет;
 Так буря мрачная минет!¹⁸

Список запрещенного цензурой отрывка мог распространяться и в Университетском благородном пансионе, вместе с другими вольнолюбивыми произведениями. Один из участников политического процесса 1826—1828 гг. по делу о запретных стихах из «Андрея Шенье», А. Ф. Леопольдов, был в 1824—1826 гг. надзирателем в пансионе¹⁹. Главный участник политического процесса штабс-капитан А. И. Алексеев в 1830 г. часто бывал вместе с братом у А. М. Верещагиной и Ек. А. Сушковой и, очевидно, встречался у них с Лермонтовым²⁰. С Алексеевым Лермонтов мог встречаться также и в семье Булгаковых.

Процесс по делу о запрещенных стихах из «Андрея Шенье», продолжавшийся два года, и судьба Алексеева, приговоренного в первой инстанции к смертной казни, несомненно, должны были привлечь внимание юного поэта. Элегия «Андрей Шенье» оставила глубокий след в творчестве Лермонтова. Вполне возможно, что в послании к Пушкину он вспоминал об отрывке из «Андрея Шенье», представлявшемся ему одной из вершин гражданской поэзии Пушкина.

Строки:

Ты пел о вольности, когда
 Тираг гремел, грозили казни;
 Боясь лишь вечного суда
 И чуждый на земле боязни —

вполне могут характеризовать автора элегии «Андрей Шенье».

Заключительные строки:

Ты пел, и в этом есть краю
 Один, кто понял песнь твою —

правильно истолкованы Луначарским: «Говоря о себе: „один, кто понял“, Лермонтов, конечно, несколько преувеличивает, но немного, ибо действительно Лермонтов в 1830 г. являлся как бы последышем, последним и глубоко искренним эхом декабрьских настроений»²¹. Лермонтов считал себя продолжателем революционных традиций пушкинской поэзии, продолжателем песни вольности.

Косвенным подтверждением нашей гипотезы являются строки Лермонтова в стихотворении «Опять народные витии», содержащие бесспорное упоминание о Пушкине и о его стихотворении «Клеветникам России».

Уж вас казнил могучим словом
 Поэт, восставший в блеске новом
 От продолжительного сна,
 И порицания покровом
 Одел он ваши имена (I, 398).

В этих строках Лермонтов приветствует обращение Пушкина к гражданской тематике.

Лермонтовское послание, вероятно, не дошло до Пушкина. Несомненно, что вдохновенные строки, напоминающие о горячей любви передовой русской молодежи к Пушкину, великому поэту-гражданину, произвели бы на него отрадное впечатление.

Э. Найдич

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Опубликовано впервые по этой копии И. Болдаковым — «Северный вестник», 1886, № 1, стр. 10 (с пропуском слова «порфира»).

² М. Горький. <О Пушкине>. — «Пушкинский вестник», вып. 3. М.—Л., 1937, стр. 277—278. См. также его «Историю русской литературы». М., 1939.

³ «Пушкин в мировой литературе». Сборник статей. Л., 1926, стр. 309—312.

⁴ А. Луначарский. М. Ю. Лермонтов. — В его кн.: «Классики русской литературы». М., 1937, стр. 185—187.

⁵ Гипотеза выдвинута и аргументирована С. Обручевым в докладе «Лермонтов и кавказские поэмы Полежаева», прочитанном в Лермонтовской комиссии ИРЛИ АН СССР. См. также: М. Лермонтов. Стихотворения. Под ред. Б. Эйхенбаума. Л., 1940, т. I, стр. 306; Н. Бродский. Лермонтов. Биография, т. I. М., 1945, стр. 203; Д. Благой. Лермонтов и Пушкин. — Сб. «М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество». М., 1941, стр. 378—379.

⁶ В очень сжатом виде эта аргументация была мною изложена в примечании к стихотворению в Полн. собр. соч. Лермонтова (Гослитиздат, 1947, т. I, стр. 377—378), а затем повторена И. Андрониковым в примечаниях к изданию «Избранных произведений» Лермонтова (М., «Московский рабочий», 1949, стр. 478—479).

⁷ А. Полежаев. Полн. собр. стих. Л., 1939, стр. 433, 435.

⁸ В отдельных тетрадах часто писались поэмы; была также специальная тетрадь для переводов. В беловых тетрадах строгая хронологическая последовательность нарушалась; стихотворения иногда писались на оставшихся чистых листах заполненных ранее тетрадей и т. д.

⁹ С. В. Обручев, чтобы подкрепить гипотезу, истолковал эти строки как иронические.

¹⁰ Доклад Б. В. Томашевского в Лермонтовской комиссии ИРЛИ АН СССР 4 июня 1938 г.

¹¹ «Северная пчела», 1830, № 35, от 22 марта и № 39, от 1 апреля.

¹² Н. Бродский. Пушкин. Биография. М., Гослитиздат, 1937, стр. 505.

¹³ «Московский телеграф», 1830, т. XXXII, «Новый живописец», № 8, апрель, стр. 135.

¹⁴ «Московский телеграф», 1830, т. XXXIII, «Новый живописец», № 10, май, стр. 159—180.

¹⁵ К. Полевой. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого. — В кн.: Н. Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Ред., вступ. статья и комментарии В. Орлова. Л., <1934>, стр. 305.

¹⁶ Бессмыслов. Поэт. Камер обскура. — «Московский телеграф», 1832, № 8, стр. 153—154.

¹⁷ В 1829 г.: «Я пробегал страны России»; «Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит, где дружба дружбы не обманет»; «Путь ко счастью труден/от той страны, где царствует порок». В 1830 г.: «Кавказ! далекая страна».

В «Памяти А. И. Одоевского»:

.. и тоску изгнания делили дружно

и было ль то привет стране родном (1, 5, 6, 7, 96; II, 53).

¹⁸ А. Пушкин. Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., изд. АН СССР, 1947, стр. 398—399, 401.

¹⁹ П. Щеголев. А. С. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. — «Пушкин и его современники», вып. XI, СПб., 1909, стр. 15—17.

²⁰ Н. Бродский. Лермонтов. Биография, т. I. 1814—1832. М., Гослитиздат, 1945, стр. 158—159.

²¹ А. Луначарский. Классики русской литературы. М., 1937, стр. 187.